

Правда - 1994 - 1 дек. - с. 4

Минувший понедельник отбил сорок дней, как ушел от нас Сергей Бондарчук. Поклонимся, вспомним, подумаем...

В тот золотой и синий октябрьский день, когда на Новодевичьем звучали слова прощания и непереносимые в таких печальных обстоятельствах заверения о том, что будем помнить, что не забудем никогда, я думал: а каким образом все-таки будем вспоминать? Разумеется, каждый по-своему. А если вместе?

Такую возможность предоставил 28 ноября

С ПОРТРЕТА улыбался всем нам своей удивительной, неповторимой улыбкой Сергей Федорович, а под ним на белом полотнище устроителями вечера было написано: «Классика Бондарчука». Именно так в киноиндустрии называли ретропанораму его фильмов, которая начиналась здесь в этот день.

Классика... Ну а он при жизни понимал, что делает классику? У меня после разговоров с ним сложилось твердое впечатление: понимал. Нет, конечно же, он не называл себя и свои фильмы подобными высокими словами, но ощущение достоинства, истинной цены того, что рождается от слияния его души и таланта, у него, по-моему, было.

Официальное признание, необычно быстрое и редко соответствовавшее на этот раз подлинной мере дарования, не могло не укрепить веру в себя. Но ведь это дает разные последствия. У одних (у многих, увы!) появляются самоуспокоенность, самодовольство. У других же — наоборот: вера в себя повышает и требовательность к себе. Если могу много, то и спрашиваю с себя как можно больше.

Вспомните знаменитое творческое неистовство Бондарчука. О нем в свое время писало немало. Затем, когда вполне определенным силам потребовалось Бондарчука уничтожить, в прессе стал изображаться совсем иной образ: некоего перекормленного славой и благополучием валь-яного мэтра.

Как лживо это было, как далеко от правды! И как хорошо, что в встречах в киноиндустрии, состоявшихся в эти дни, воссозданная памятью коллег художник, который всю жизнь — настойчиво, страстно, бескомпромиссно — стремился к главному: к художественному совершенству.

Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех.

В самом деле, разве ради престижного «Оскара» — высшей награды Американской академии киноискусства так выкладывался Бондарчук на съемках «Войны и мира»? Или выполнял какой-то идеологический, социальный заказ?

Нет. Ирина Константиновна Скобцева, жена и ближайшая сподвижница, рассказывала, как шел он к Толстому. Как к святыне. Чтобы средствами своего искусства максимально

киновидеоцентр национальных кинематографий «Москва», известный также как Дом Ханжонкова, устроив вместе с Роскомкино вечер памяти Сергея Бондарчука. А накануне здесь же была проведена пресс-конференция, где на вопросы журналистов отвечали очень близкие Сергею Федоровичу люди.

О чем же вспоминалось и думалось на этих встречах?

выразить то, что хотел сказать людям великий писатель.

А себя во имя этого не щадил. Впрочем, не щадил он себя в работе и раньше, со студенческих лет, что отлично запомнил его одноклассник по ВГИКу Вячеслав Тихонов, снимавшийся вместе с ним еще в самой первой их картине — в гerasимовской «Молодой гвардии». Став потом князем Андреем в «Войне и мире», он снова убедился в этом.

Наверное, далеко не все знают, что при завершении первой серии, достигнув предельного напряжения, Бондарчук не выдержал. Не выдержали сердце и мозг: человек перешел границу жизни и смерти.

Когда мы беседовали у него дома в нынешнем апреле, он был нездоров. Ирина Константиновна не раз приносила таблетки. Но он все равно беспрерывно курил.

— Сергей Федорович, вы всегда так курите? — спросил я. — Не пробовали бросить?

— Один раз бросил, — как-то невесело усмехнулся он. — И коротко, четырьмя-пятью фразами, рассказал про тот случай на съемках «Войны и мира».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ результат такого сверхчеловеческого труда? Он известен. Только не знаю, можно ли его определить каким-то одним показателем. Тем же «Оскаром»? Или, может, приведенной на пресс-конференции цифрой: 200 миллионов билетов, проданных за год у нас в стране на первую серию «Войны и мира»? То есть люди смотрели картину по несколько раз. Или тем, что за рубежом этот фильм до сих пор остается самым кассовым из всех наших отечественных лент, а для французского посла в Москве он стал любимым видеофильмом, которым наслаждается, по собственному признанию, постоянно?

Своего рода итоговому результату можно считать, конечно, всемирное признание Сергея Бондарчука как выдающегося режиссера и актера. Композитор Вячеслав Овчинников, совсем молодым приглашенный на «Войну и мир» и написавший для фильма прекрасную музыку, недавно был на международной творческой конференции в Потсдаме, где Бондарчука по мощи дарования сравнивали с Шалляпиним. Кинорежиссер Станислав Ростокский напомнил, что итальянцы ставят нашего соотечественника рядом с

Феллини, а Джон Форд, которого называют отцом американского кино, встречал Сергея Федоровича с бурным восторгом.

Обобщая отзывы мировой прессы, кинодраматург Василий Соловьев сказал так: «Война и мир» — это не просто кино, это явление национальной культуры.

Он смотрел на мир добрыми глазами

Я продолжу начатое выше четверостишие Пастернака: Позорно, ничего не знача, Быть притчей на устах у всех.

Он-то значил! И это сознавал. Но суетная погоня за популярностью ему, всецело поглощенному работой, была чужда.

Отношение к прессе, к создаваемой ею известности кое-что характеризует в любом человеке, чья деятельность обречена быть публичной. Мне памяты многие факты, когда крупные, уважаемые писатели или артисты вдруг на глазах мельчали, начиная потно суетиться в расчете на хвалебную газетную строку. Не говоря уже про массу лиц вполне ничтожных, но посвятивших себя надуванию своего мнимого и пустого, как мыльный пузырь, авторитета.

Свидетельствую: Бондарчук был выше этого. Может, не всегда, но за ряд характерных эпизодов ручаюсь.

После феноменального успеха «Тараса Шевченко» я встречаюсь с ним в Театростудии киноактера и предлагаю сделать интервью для московской молодежной газеты. Что, лишней была бы для него на волне восходящей славы эта публикация? Однако...

— Не стоит, наверное, — был спокойный его ответ. — И так уж слишком много пишут.

Лето 1959-го. Массовый десант киноартистов в Рязань — с помпезным представлением на городском стадионе. Многие гости не только не против,

чтоб про них написали, очень даже хотят этого. Бондарчук же снова предельно сдержан, решительным жестом отводит возможный разговор для газеты:

— Потом, давайте когда-нибудь потом.

Секрет, по-моему, прост. Он, Бондарчук, в искусстве был не деланный, а настоящий. И так, в моем представлении, себя берег, не размениваясь на рекламную болтовню, да и, собственно, не нуждаясь в ней.

Я и «потом», 35 лет спустя, то есть в нынешнем году, когда встречался и разговаривал с ним, все время чувствовал (последующая реакция на публикации это подтверждала): ему не газетное напоминание о себе было дорого, а возможность просто выговориться —

о том, что наболело до крайности.

Боже, он ведь и такой элементарной роскоши — сказать что-то своим зрителям, если уж не с экрана, то хоть с газетного листа, — был в последние годы почти полностью лишен! А о нем газеты говорили с нескрываемой злобой или оскорбительным пренебрежением.

Это о Бондарчуке... Кошмар какой-то. И насколько изощренно, хитро, жестоко были нацелены удары! В самую сердцевину достоинства художника. Дабы представить его в глазах людей не настоящим, а деланным.

Зависть всегда несправедлива и жестока. А здесь была не только зависть к истинному и могучему таланту — нечто гораздо большее. В Бондарчуке видели особенно яркое воплощение того, чем сильна советская культура и что подлежало уничтожению. Потому-то с такой яростью набросились на него.

Целая свора его и моих коллег... Киношники, газетчики. Словно борзые.

И вот почему сжала мое сердце та добрая его улыбка с портрета. Он доверчиво улыбался всем пришедшим на пресс-конференцию, а пришло к первому каналу телевидения и само название которой кое о чем говорит).

Сергей Федорович еще раньше заметил, что пародисты-юмористы стали теперь как бы утеплителями политического имиджа. Едва началось формирование президентской

ся прощать. Однако не могу забыть я, что во время всех наших встреч этого года, оказавшегося последним в его жизни, не видел на лице у него не только такой лучезарной улыбки, как на том давнем портрете, но вообще улыбки с радостью. Ни разу. Лишь с грустью.

Да и неудивительно это.

«Тихий Дон», который он вынужден был делать за рубежом и которому отдал столько сил, исчез где-то в итальянских просторах. Совсем малость незавершенный и неведомо кому принадлежащий. Тщетно ждал он вестей от пропавшего продюсера...

Изучал книги об Александре Македонском. Удалось даже слетать в Таджикистан к одному из своих учеников, чтобы присмотреть места для

мечтаемых будущих съемок. Но — от мечты до дела нынче ох как далеко...

Он был грустен и не скрывал своей жгучей боли. За страну, которая развалилась. За страждущий народ. За уничтожаемое отечественное кино.

С большой грустью он ушел. А что же сейчас, через сорок дней?

Вряд ли что-то обрадовало бы его из происшедшего и происходящего вокруг. С народом, властью, культурой у нас в стране всё по-прежнему.

Вот состоялась встреча президента с деятелями культуры. Деятели еще те. Вы читали что-нибудь, скажем, из произведений писательницы Аллы Гербер? А что помните из творчества писателя Андрея Нуйкина? Между тем их на совет к президенту позвали и всегда зовут, а допустим, Валентина Распутина или Виктора Розова — нет. Патриоты, совки красно-коричневые...

Бондарчука тоже не звали. Масштаб, наверное, не тот. Недостаточен интеллектуальный уровень. Как-то не дотягивает до мыслителя-пародиста Александра Иванова (образец его титанической мысли — передача «Интеллектуальные посиделки», которую он ведет по первому каналу телевидения и само название которой кое о чем говорит).

Сергей Федорович еще раньше заметил, что пародисты-юмористы стали теперь как бы утеплителями политического имиджа. Едва началось формирование президентской

партии во главе с Гайдаром, как в тусовке на телеэкране возник тот же Александр Иванов, а рядом — Геннадий Хазанов, а напротив — Михаил Жванецкий...

Наверное, это и припомнилось ему, когда я завел однажды речь о памятнике маршалу Жукову, которому никак не найдут места в Москве. Бондарчук, остро переживавший судьбу великого полководца, даже вступавшийся за его честь в нашей газете, откликнулся едко:

— Да что там, пусть Жванецкого вместо него поставят...

На его собственную смерть, как положено по дежурному ритуалу, власти прислали официальные соболезнования. А я вспомнил многократно слышанную от него пушкинскую строку: «Они любить умеют только мертвых...»

ВЕЧЕР кончается. Он был искренний, сердечный, хотя и неизбежно печальный. Спасибо руководителю Дома Ханжонкова Расиму Даргах-Заде, который стал инициатором и главным организатором двух этих волнующих встреч. Примечательно, что азербайджанец больше всех порадел, чтобы воздать должное памяти великого русского художника кино. Украинца по рождению. Мы не делились тогда, и он, народный артист СССР, тоже не делил в себе русское, украинское, советское.

Вечер в «Москве» словно вызвал дух Сергея Бондарчука. Параллельно и телевидение, потеснив разбитого па-

родиста и прочих подобных своих завсегдатаев, дало время аж на двух каналах для передач, посвященных Мастеру.

Все это отрадно. Только вопросы, очень непростые и раны, остаются.

Увидим ли мы когда-нибудь его «Тихий Дон»?

Будут ли впредь идти известные фильмы Бондарчука?

В конце концов — будет ли российское кино?

Этот вопрос, особенно мучивший Сергея Федоровича все последнее время, я задаю двум его замечательным друзьям — кинорежиссеру Игорю Таланкину и кинооператору Вадиму Юсову. Ответ слышу невеселый...

Да, киностудия «Время» теперь носит имя Сергея Бондарчука, но насколько же труднее сохранить кино, которое дало миру это имя.

Виктор КОЖЕМАКО.

● На этом снимке у него хорошее настроение: только что завершена работа над фильмом «Они сражались за Родину». Год 1975-й.

Фото Валентина КОВАЛЬСКОГО.

В заключение сообщаем: ретропанорама «Классика Бондарчука» в киноиндустрии «Москва» продлится до 7 декабря. Вы сможете посмотреть все основные фильмы, которые он поставил и в которых играл, а также работы его учеников.

Справки по телефонам: 251-72-22; 251-58-60.

